

УДК 93/94

DOI: 10.30914/2411-3522-2025-11-2-158-167

**ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЗАГРОБНОГО МИРА ДРЕВНИХ РИМЛЯН ЭПОХИ ИМПЕРИИ
(ПО ДАННЫМ РИМСКИХ АВТОРОВ)****Ю. С. Обидина***Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. География римского Аида определяется исследователями исключительно как продукт греческого происхождения. Римские источники интерпретировались исключительно в созвучии с их предполагаемыми греческими моделями, в результате чего природные или архитектурные элементы Аида, упоминаемые в латинских источниках, не получили должного внимания исследователей. Цель: на основе анализа письменных источников периода ранней империи выявить черты собственно римской традиции в описании топографических особенностей Аида. Эмпирическая база исследования – тексты латинских авторов, написанные между второй половиной I в. до н. э. и концом II в. н. э., которые подчеркивают особенности римских взглядов на топографические особенности загробного мира и элементы преемственности греческой традиции. В качестве методов используется метод исторической реконструкции, а также герменевтический и сравнительный анализ античной письменной традиции. Реконструкция топографии царства Аида свидетельствует, что собственно римскую традицию необходимо искать в описании Оркуса, представляющего собой мост между мирами живых и мертвых, и в основном характеризуется по своей природе как зона перехода. Установка на заимствование представлений о загробном мире у греков не позволяла исследователям признать Оркус как надлежащую и автономную область Подземного мира, принимая его как незначительную особенность Аида в римской традиции. Однако Оркус воспринимался и изображался как самостоятельная область, обозначенная четкими границами; само его название относится к хтоническому божеству и используется исключительно для обозначения преддверия Аида и никогда не связывается с другими областями в Подземном мире. Эсхатологические ценности римского общества зависели от топографического устройства загробного мира. Реконструкция топографии загробного мира позволяет показать важность оригинального римского вклада в топографическое устройство Аида, нивелируя предполагаемое прямое происхождение этого образа из греческой традиции.

Ключевые слова: царство Аида, хтоническая топография, мир мертвых, хтоническая география, Оркус, инфернальный ландшафт

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Обидина Ю. С. Топографические маркеры загробного мира древних римлян эпохи империи (по данным римских авторов) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2025. Т. 11. № 2. С. 158–167. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2025-11-2-158-167>

**TOPOGRAPHIC MARKERS OF THE UNDERWORLD OF THE ANCIENT ROMANS
OF THE IMPERIAL ERA (ACCORDING TO ROMAN AUTHORS)****Yu. S. Obidina***National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract. The geography of Roman Hades is defined by scholars exclusively as a product of Greek origin. Roman sources were interpreted exclusively in accordance with their supposed Greek models, with the result that the natural or architectural elements of Hades mentioned in Latin sources did not receive the attention they deserved from researchers. Purpose: based on the analysis of written sources from the period of the early empire, to identify the features of the Roman tradition itself in the description of the topographical features of Hades. The empirical basis of the study is the texts of Latin authors written between the second half of the 1st century BC and the end of the 2nd century AD, which emphasize the peculiarities of Roman views on the topographic features of the afterlife and elements of continuity with the Greek tradition. The methods used are historical

reconstruction, as well as hermeneutic and comparative analysis of the ancient written tradition. The reconstruction of the topography of the kingdom of Hades shows that the actual Roman tradition must be sought in the description of Orcus, which represents a bridge between the worlds of the living and the dead, and is mainly characterized by its nature as a transition zone. The focus on borrowing ideas about the afterlife from the Greeks prevented researchers from recognizing Orcus as a proper and autonomous region of the Underworld, accepting it as an insignificant feature of Hades in the Roman tradition. However, Orcus was perceived and depicted as an independent region, marked by clear boundaries; its very name refers to a chthonic deity and is used exclusively to designate the antechamber of Hades and is never associated with other regions in the Underworld. The eschatological values of Roman society depended on the topographic structure of the afterlife. The reconstruction of the topography of the underworld allows us to show the importance of the original Roman contribution to the topographic arrangement of Hades, leveling out the supposed direct origin of this image from the Greek tradition.

Keywords: kingdom of Hades, chthonic topography, world of the dead, chthonic geography, Orcus, infernal landscape

The author declares no conflict of interest.

For citation: Obidina Yu. S. Topographic markers of the underworld of the ancient Romans of the imperial era (according to Roman authors). *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2025, vol. 11, no. 2, pp. 158–167. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2025-11-2-158-167>

Введение

Со времени публикации фундаментальной работы французского исследователя истории повседневности Ф. Арьеса изучение отношения к смерти в европейском обществе выходит на качественно новый уровень [1]. Восприятие смерти и границ посмертного существования становится важным предметом исторического анализа, маркером самосознания эпохи на определенном историческом этапе ее развития.

Одной из существенных проблем в изучении представлений римлян о последнем пристанище умерших является отсутствие исследований его общепринятых географических очертаний, которые могли бы ответить на фундаментальные вопросы: как представляли себе Аид римляне? Из каких элементов он состоит? Как души умерших взаимодействуют с окружающим пространством и с живыми? [2]. Данная проблема проистекает из особенностей восприятия римского царства мертвых уже самими римлянами эпохи империи – Вергилий¹, описывая путешествие Энея в загробном мире, устроенном по образу и подобию греческого Аида, заложил прочный фундамент крайне односторонней исследовательской установки, согласно которой римские представления о загробном существовании яв-

ляются калькой древнегреческих представлений. Учитывая исключительный авторитет Вергилия, источники, созданные в Риме в конце I в. до н. э. – конце III в. н. э., включая литературные произведения и погребальные памятники, долгое время не находили отражения в описании загробного царства древних римлян.

Таким образом, и сегодня существует явный пробел в исторической науке, которая оставила без внимания важнейший пласт представлений древних римлян, связанный с топографическими и географическими реалиями мира мертвых. Следуя негласной традиции Вергилия, европейские исследователи сосредоточились на изучении взаимоотношения мира живых и мертвых, а также на технических аспектах римских похорон и погребальных обрядов. Фундаментальным обобщающим трудом в этой области стала работа профессора Стэнфордского университета Роберта Харрисона «Владычество мертвых», вышедшая в свет в 2003 году [3]. Российские исследователи, в первую очередь, филологи, традиционно уделяли внимание представлениям о душе в поэтической традиции древнего Рима [4]. В тоже время наиболее существенный аспект верований о загробном мире, связанный с его локализацией, позволяющий понять пространственно-временные представления римлян и вписать их в существующую картину мира

¹ Вергилий. Энеида / пер. с латинского С. Шервинского и С. Ошерова. М.: Художественная литература, 1971. 418 с.

исторической эпохи пока не получил должного внимания именно в рамках исторических исследований [5].

Тенденция к уподоблению римского Аида греческому нашла еще больше сторонников после публикации фундаментальной работы бельгийского историка и археолога Франца Кюмона [6]. Теоретические подходы, разработанные Ф. Кюмоном, позволили последующим исследователям проводить параллели между локализациями мира мертвых в различных культурах, выявляя общее и особенное в их топографии [7]. В частности, явное сравнение двух мифических путешествий в загробный мир неявно предполагает, что Вергилий смоделировал историю Энея на основании истории Одиссея. Однако при подробном анализе катабасис Вергилия радикально отличается от катабасиса Одиссея, начиная с того факта, что Эней фактически путешествует через Аид, в то время как Одиссей переживает его через повествование вызванных душ. Игнорируя основные различия между двумя хтоническими путешествиями, можно лишь бессистемно группировать вместе элементы, которые не могут быть согласованы.

Таким образом, традиционная установка на римскую культурную и религиозную зависимость и господствующие методологические установки помешали исследователям проанализировать римский Аид как оригинальное творение римлян, достойное изучения само по себе, а не только в сравнении с греческими аналогами [6, p. 83]. Ссылки на Цицерона¹ (Cicero. *Tusculanae Disputationes*, I.V.10) или Ювенала² (Juvenal. *Satires*, II.149-154) часто использовались исследователями в качестве доказательства того, что римляне не считали царство Аида заслуживающим особого внимания. В то же время обращение к другим источникам, в частности отрывкам из поэмы Лукреция «О природе вещей»³, говорит о существовании общих топографических знаний древних римлян о месте последнего приюта умерших (Lucretius. *De Rerum Natura*, III.978-1023.14), на что недавно обратил

внимание немецкий филолог-классик, специалист по латинской литературе Тобиас Рейнхардт [8, p. 32–33].

Несмотря на сохранение основных повторяющихся топографических и архитектурных особенностей Аида в эпоху империи появляются различия, характеризующие различные тексты, описывающие спуск в Подземный мир. Дэвид Пайк, один из ведущих американских специалистов по компаративистике, утверждает, что это – естественное следствие процесса непрерывного переписывания традиционного повествования [9, p. 2]. В то же время можно предположить, что в связи с ростом римской идентичности и необходимостью распространять имперскую идеологию на захватываемые территории происходит отход от трансляции исключительно греческой традиции и попытка создать свой собственный взгляд на устройство загробного мира. Источники и памятники раннеимперского периода дают возможность реконструкции топографии хтонического царства, которая учитывает как природные, так и архитектурные элементы, отношения между человеческими душами и хтоническими божествами, а также пространство, которое они разделяют.

Цель исследования.

На основе анализа письменных источников периода ранней империи выявить черты собственно римской традиции в описании топографических особенностей царства Аида.

Материалы и методы

Выбор письменных источников – латинских текстов, написанных между второй половиной I в. до н. э. и концом II в. н. э., обусловлен намерением создать однородный корпус, который подчеркивает особенности римских взглядов на топографические особенности загробного мира и элементы преемственности на протяжении всего периода основания и консолидации Империи.

В качестве методов исследования был использован герменевтический и сравнительный анализ античной письменной традиции, метод исторической реконструкции с использованием как письменных источников, так и свидетельств археологии.

В качестве новизны можно отметить использование корпуса источников, ранее не становившегося предметом пристального внимания ученых,

¹ Цицерон. Тускуланские беседы / пер. М. Л. Гаспарова. М.: ФТМ, 2017. 274 с.

² Ювенал. Сатиры / пер. Ф. А. Петровского. СПб.: Алетейя, 1994. 224 с.

³ Лукреций. О природе вещей / пер. с лат. Ф. А. Петровского. СПб.: Ленанд, 2017. 80 с.

поскольку многие исследователи были склонны ограничивать свою реконструкцию римского загробного мира работой Вергилия, представляя путешествие Энея в подземный мир «канон», на котором базируются обсуждения данной проблемы. Такой подход традиционно тяготеет к филологическим и культурологическим исследованиям, не охватывая исторический аспект проблемы.

Результаты

Несмотря на наличие вариантов, характеризующих работы различных римских авторов эпохи ранней империи, совершенно очевидно, что они ссылаются на общий культурный и религиозный фон, приведенный в относительно стандартизированное видение Подземного мира. Аид описывается прежде всего как реальное место, отмеченное узнаваемыми географическими особенностями. Расположенный под поверхностью Земли, он доступен через удаленные и скрытые доступы, которые открыты исключительно для душ умерших, хтонических божеств, которым разрешено пересекать границу между двумя мирами, и нескольких посвященных лиц.

Из сохранившихся описаний мы можем заключить, что царство Аида представлялось разделенным на четыре основных региона: Оркус, Ахерусийские равнины, Тартар и Элизиум. В то время как Элизиум и Тартар – это названия, которые часто присваиваются регионам самими римскими авторами вслед за греками, другие два региона не всегда четко «маркированы». В письменных источниках Оркус использовался для обозначения преддверия Аида, а название Ахерусийских равнин мы впервые встречаем у Лукиана Самосатского¹. Каждая из четырех областей отделена от соседней и закрыта от остальной части Аида поворотами и пересечениями на путях, проходящих через них, или естественными или архитектурными препятствиями и границами. Более того, области внутренне разделены на отдельные и четко разграниченные подобласти, каждая из которых населена определенными категориями душ, контролируемых одним или несколькими хтоническими божествами. Герийон управляет Оркусом, Минос правит на Равнинах,

в то время как Радамант находится в Тартаре, а Персефона, сопровождаемая своим мужем Аидом, а также судьей Эаком, правит Элизиумом из дворца, расположенного у входа в эту область.

Таким образом, Оркус – это первая область, с которой сталкивается любая живая или мертвая душа, фактически преддверие Аида. Она простирается, с некоторыми вариациями на основании разных свидетельств, от одного из входов на поверхности Земли до берегов Стикса или до одной из других адских рек. Ахерусийские равнины – это промежуточная область, расположенная рядом с Оркусом перед Тартаром и Элизиумом. Редко описываемые римскими писателями, Ахерусийские равнины принимают души тех, кто не проклят, но и не благословен, разделяя их по разным равнинам в зависимости от их способа смерти (самоубийство, смерть в колыбели, смерть на войне и т. д.). За Ахерусийскими равнинами перекресток разделяет Тартар, замкнутую и обнесенную стеной область, где проклятые души искупают свои грехи, от Елисейских полей, где души благословенных наслаждаются своей загробной жизнью в состоянии вечного блаженства.

Некоторые описания представляют читателю вид на царство Аида с высоты птичьего полета. Примером таких описаний является некромантия Тиресия и его дочери Манто, рассказанная Статием в «Фиваиде», написанной около 90 г. н. э.² (Statius. *Thebaid*, IV.519-535). Четыре региона очерчены посредством четких географических ориентиров и присутствия адских обитателей. Река Ахерон символизирует Оркус, Стикс – физический и визуальный барьер между Оркусом и Ахерусийскими равнинами, принадлежит и тому, и другому региону, в то время как судья Минос, сидит у входа на Ахерусийские равнины. Тартар символизирует река Флегетон, которая окружает его, и одна из башен, соединяющих крепостные стены, которые закрывают Тартар от Подземного мира, а также упоминание некоторых проклятых, которые там заключены. Наконец, трон Аида явно связан с дворцом Аида, тем самым указывая на вход в Элизиум.

Похожую картину мы находим в диалоге между философом-киником Мениппом и его другом

¹ Лукиан. Сочинения : в 2 т. / под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб. : Алетей, 2001. Т. 1. 472 с. Т. 2. 544 с.

² Стаций Публий Папиний. Фиваида / пер. Ю. А. Шичалина. М. : Наука, 1991. 352 с.

Филонидом, написанном Лукианом Самосатским во второй половине II века н. э. Здесь мы можем распознать те же четыре адских области. Менипп видит три области: «озеро, и Флегетон, и обитель Плутона», и, пройдя со своим спутником через них, «достигает большого луга асфodelей». Как и в «Фиваиде», озеро представляет собой границу между Оркусом и Ахерусийскими равнинами, Флегетон – река Тартара, а дворец Плутона – архитектурный элемент, определяющий границу между «Ахерусийскими равнинами», как называет их сам Лукиан, где души судит Минос, и Елисейскими полями, представленными лугом асфodelей, повторяющимся литературным топосом в изображении Элизиума со времен Гомера¹ (Hom. Od., XI.539, 573; XXIV.14).

Похожую картину мы встречаем в «Пунике», написанной Силием Италиком в последней четверти I в. н. э., (Silius Italicus. *Punica*, XIII.563–578)² и у Статия (Statius. *Thebaid*, II.4–6; 12–14). Стикс окружает Ахерусийские поля, – географическая деталь, присутствующая также в «Энеиде»: «огненные потоки» текут в Тартаре, а одинокие леса, простирающиеся прямо перед воротами в мир живых, составляют основной элемент ландшафта, через который бог выходит из Аида.

В более длинном отрывке из «Кармины» Горация, написанной в последней четверти I в. до н. э., большинство мест Аида маркируются с помощью персонажей, живущих там (Hor. *Carmina*, II.13.21–40)³. Прозерпина, Сафо и Эак находятся в Элизиуме, Тантал, Прометей и Орион в Тартаре, а анонимная толпа душ на Ахерусийских равнинах. Эти несколько примеров ясно демонстрируют, как некоторые выбранные и повторяющиеся природные или архитектурные особенности: ворота, дворцы, реки и леса, начинают определять весь «адский ландшафт». Они становятся основными и существенными маркерами, без которых римляне не могли представить Аид и не могли следовать по его топографии.

¹ Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000. 486 с.

² Silius Italicus. *Punica*. Books I–XVII / Пуника. Книги I–XVII (Vol. I–II / Toma I–II). London: Massachusetts Harvard University Press, MCMLXI. V. 2. 524 p.

³ Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений / пер. под ред. Ф. А. Петровского, вступ. ст. В. Я. Каплинского. М.–Л.: Academia. 1936. 447 с.

Четыре области Аида и их наиболее выдающиеся особенности, описанные Вергилием в шестой книге «Энеиды», исследователи считают «идеальным» путешествием в Подземный мир, главным образом из-за его полноты и авторитета Вергилия. Количество, сложность и связность деталей, описывающих как природные и архитектурные элементы, так и адских обитателей, создают связную и всеобъемлющую картину общей планировки Подземного мира. В «Энеиде» Вергилий изображает Аид как замкнутое пространство в основном с помощью иллюзии перспективы. Постоянно перемещая фокус своих описаний с переднего плана на задний, Вергилий помещает своих персонажей в определенное пространственное отношение к окружению, тем самым создавая впечатление ландшафта, разворачивающегося на последовательных планах [10, p. 108–109]. Последовательности, основанные на иллюзии глубины, часто сочетаются с другими, где сцены последовательно разворачиваются вдоль пути, пройденного героем. Отсутствие упорядоченной перспективы усиливает фантастическую природу описываемого мира. Эти «горизонтальные» последовательности не так случайны, как могут казаться: скорее, они построены так, чтобы провести читателя через серию ассоциативных скачков в пространстве, которые в конечном итоге раскрывают лежащую в основе автора репрезентативную логику [11, p. 55].

Интересно, что именно благодаря сочетанию этих двух техник мы воспринимаем инферальный ландшафт как существующий вне нашей сферы взаимодействия и вообще вне сферы природы и в то же время как реальное пространство, где главный герой активно взаимодействует с обитателями и ландшафтом. Ричард Дженкинс считает, что потусторонняя природа ландшафта еще больше усиливается преднамеренной неопределенностью описания [12, p. 448, 456]. Яркость деталей доверена силе вызывания, а не механическим описаниям, так что Вергилий описывает территорию, лежащую «между опытом чувств и опытом разума». Этот «телескопический» стиль Вергилия, – термин, введенный Эмили Гауэрс, раскрывает и в то же время скрывает истинную природу Аида, создавая чередующиеся проблески адских областей и закрытые перспективы, которые фактически не позволяют зрителям Энея и Вергилия полностью понять

общую топографию и ландшафт Подземного мира [13, p. 176].

Обсуждение

Реконструкция топографии царства Аида на основании текстов римских авторов свидетельствует, что собственно римскую традицию необходимо искать, в первую очередь, в описании Оркуса. В захоронениях на Крите, в Фессалии и Великой Греции, датируемых началом IV в. до н. э. – II в. н. э., была найдена двадцать одна золотая табличка, помещенная на тела умерших. На табличках несколько строк греческого текста служили инструкциями, направляющими душу умершего в ее путешествие в загробный мир, что свидетельствует о посвящении умерших в Орфические или Элевсинские мистерии. Хотя мы не можем утверждать о степени распространения этого набора верований в Римской империи, по крайней мере одна табличка, находящаяся в Британском музее и датируемая II в. н. э., была найдена в Риме, в захоронении Цецилии Секундины на Виа Остиенсе [14, p. 133]. На табличке написано несколько строк, которые основаны на наборе стереотипных сообщений, восходящих к самым ранним свидетельствам культа.

Исследователи считают, что золотые таблички давали умершему подробные инструкции для путешествия в Аид [15]. В то же время в римской традиции, они могли быть путеводителем в путешествии по Оркусу для посвященных. Разница не тривиальна: как первая область, с которой сталкивается любое существо или душа, путешествующие в Подземный мир, Оркус представляет собой мост между мирами живых и мертвых, и в основном характеризуется по своей природе как зона перехода. Установка на заимствование представлений о загробном мире у греков не позволяла исследователям признать Оркус как надлежащую и автономную область Подземного мира, принимая его как незначительную особенность в более широком плане Аида в римской традиции. Однако, как свидетельствуют и золотые таблички, и большинство римских источников раннего имперского периода, Оркус воспринимался и изображался как самостоятельная область, обозначенная четкими границами; само его название относится к хтоническому божеству, все еще недостаточно изу-

ченному, и используется исключительно для обозначения преддверия Аида и никогда не связывается с другими областями в Подземном мире. Герои проходят через Оркус, чтобы достичь душ, с которыми им суждено встретиться, в то время как недавно умершие стремятся покинуть его, чтобы добраться до своего конечного, вечного места назначения. В стремлении как можно скорее покинуть Оркус, чтобы не задерживаться в подвешенном состоянии, не принадлежа ни к какой категории или классу душ, ощущается потребность римлян в самоидентификации, общественном признании и социальной принадлежности.

Тексты табличек рисуют довольно четкий образ этого региона, чья широта деталей находит близкие соответствия в более поздних римских источниках. Как и любой другой неизвестной территории, через которую люди путешествовали при жизни, Оркусу требовались визуальные или письменные маркеры (карты или маршруты), чтобы помочь душам найти свой путь. Именно в этой, первой части своего путешествия мертвые путешествуют одни, без руководства с чьей-либо стороны: лишённые инструкций, содержащихся в табличках, душам приходится находить путь самостоятельно. Однако после того, как хтонические судьи выносят вердикт, каждая душа назначается в группу аналогично осужденных душ и отправляется в определенную область в одной из областей Аида, где души должны оставаться вечно. Поэтому подробности в табличках о том, как достичь Тартара или Элизима, были бы неуместны, поскольку души прибывали бы группами по одному и четко обозначенному пути без какой-либо возможности задержки или отклонения. С другой стороны, вся информация, полученная перед смертью о том, как добраться до Миноса во время первого одиночного этапа путешествия, ускорила бы окончательный суд и сократила бы время, которое каждая душа должна была провести в Оркусе, ожидая своего решения и определения своего конечного пункта назначения.

Табличка изображает пейзаж из воды и деревьев, в основном покрытых тьмой. Умерший идет по наклонной тропе, которая становится большим «священным путем» после прохождения через

входные ворота¹. Все элементы: тьма, дома, воды, дерево и стражи составляют также основные элементы в изображении римского Оркуса.

В самом начале I в. н. э. Овидий, описывая спуск Юноны в Подземный мир, создает пейзаж, окутанный тишиной, основными чертами которого являются наклонная тропа, деревья и воды (Ovid. *Metamorphoses*, IV.432-436). Также описание Преддверия Аида Лукианом показывает интересное сходство с текстами табличек (Lucian. *Peri Pénthous*, IV). Тем не менее в описании римского Оркуса мы обнаруживаем отличительные черты, которые вытекают из собственно римской традиции. Выход в мир живых с серией скрытых доступов, окончание пути на берегах Стикса и многочисленные ворота, разбросанные по пути, всегда изображающиеся открытыми и в основном неохраняемыми, – все вместе составляют элементы, развившиеся независимо от более ранних греческих источников. Открытые ворота способствуют созданию образа Оркуса как легкопроходимой местности, с одним единственным путем, ведущим через пустоту, тишину и уединение, характерные для этого региона. Живые не могут сбиться с такого пути: они идут по ландшафту лесов и рек, едва заметных из-за густоты деревьев и почти полной темноты. Что касается мертвых, римские авторы не дают нам описаний характера, длины или траектории маршрута от могилы до Стикса, в основном потому, что их тексты принимают перспективу все еще живого героя. Однако мы можем предположить, что по крайней мере часть римского общества представляла себе путешествие душ мертвых в Оркусе следуя пути, описанному в золотых табличках, положенных на их тела.

В отличие от ранней греческой традиции, где для того, чтобы достичь Подземного мира, героям приходилось путешествовать в самые дальние западные или восточные земли или даже за Океан (Hom. *Od.* X.503-512), римляне верили, что входы в Аид находились в доступных, но уединенных и скрытых местах, разбросанных по всей ойкумене. Эти доступы описаны в стереотипных топографических и географических деталях: открытые на отдаленных горных вершинах или на вершинах высоких и скалистых утесов, они обычно располагались в глубине глубоких пещер.

Как мы видим в отрывке из «Энеиды», пещеры защищены от человеческого взгляда озерами и лесами, окружающими их и делающими их недоступными. Входы описаны не как настоящие ворота или двери с порогами, а скорее, как широкие отверстия в пещере, часто идентифицируемые как открытые челюсти Оркуса. Сам Оркус представлен в квазичеловеческой форме, как огромный рот, поглощающий в вечном голоде человеческие души тех, кто осмеливается приблизиться к нему. Отверстия на Земле доступны для посвященных людей и хтонических божеств, пересекающих границы между двумя мирами. Ни одному умершему не разрешается проходить через эти ворота, ни во время первого путешествия к месту последнего упокоения, ни во время ежегодных празднеств для мертвых – Лемурий или Паренталий, когда границы между двумя мирами становятся эфемерными. Единственный случай, когда духи появляются через эти отверстия, – когда их специально вызывают актами некромантии. Например, в отрывке из Фарсалии Лукана, написанной незадолго до его смерти в 65 г. н. э., Эрихто призывает душу погибшего солдата, чтобы получить от него пророчество. В поэме ведьма утверждает, что дух может выйти из этих ворот только из-за своей недавней смерти: душа еще не достигла своего конечного пункта назначения и все еще ждет суда в Преддверии Оркуса (Lucan. *Pharsalia*, VI.712-715).

В римской литературе самый известный вход в Оркус открывается на итальянских землях, внутри пещеры недалеко от древнего города Кумы. В «Энеиде» Эней встречает Сивиллу у входа в эту пещеру, частично скрытую лесами, окружающими берега озера Авернус. После жертвоприношения они входят в пещеру, чтобы найти вход в Оркус (Virgil. *Aeneid*, VI, 237-241; 262). Сивилла сообщает Энею, что двери в Аид открыты и днем, и ночью. Это подтверждает веру в то, что как только посвященный человек был проинформирован о местоположении пещеры, он не сталкивался с дополнительными препятствиями для своего продвижения по пути (Virgil. *Aeneid*, VI, 126-127).

Важно подчеркнуть, что пещера, где Сивилла дает пророчества, и вход в Подземный мир, согласно римской традиции имперского времени, – не одно и то же, и они не находятся в непосредственной близости, как предполагает

¹ Табличка из Гиппиона (ок. 400 г. до н. э.), Государственный археологический музей Вибо.

ряд современных исследователей. Археологи и историки тщетно искали эту пещеру в районе современного озера Авернус, однако распространенная тенденция искать доказательства, подтверждающие тесную связь между словами Вергилия и реальным ландшафтом до сих пор не увенчалась успехом [16; 17]. В то время как пещера Сивиллы расположена на склонах Кумского мыса, вход в Подземный мир лежит у берегов озера (Virgil. *Aeneid*, VI. 42-44). Та же пещера описана Силием Италиком в «Пунике»: Сципион стоит там с Сивиллой, чтобы вызвать духов своего отца и дяди (Silius Italicus. *Punica*, XIII.421-423).

Вергилий в Четвертой книге «Георгик» (ок. 29 г. до н. э.) вводит еще одни ворота в Оркус, расположенные на мысе Тенар, или мысе Матапан, в Лаконском регионе Пелопоннеса (Virgil. *Georgics*, IV.467-472). Мыс Тенар часто появляется в произведениях других римских писателей – у Сенеки, (Seneca. *Hercules Furens*, 662-672)¹, в «Фиваиде» Статия, где он описывается как выход, через который Меркурий выводит тень Лая во исполнение повеления Юпитера (Statius. *Thebaid*, II.32-40; 48-50) и «Метаморфозах» Апулея (Apuleius. *Metamorphoses*, VI.16.2-5)².

Другие авторы, имеющие дело не с мифологическими историями, а с бесстрастными географическими и этнографическими отчетами, в частности, Павсаний, подтверждают широко распространенное знание о существовании входа в Аид на Пелопоннесском мысе, даже если и подвергают сомнению обоснованность традиции (Paus, III.25.5)³.

Существование в источниках различных входов в Оркус не следует понимать как признак противоречивости или наличия различных культурных или религиозных традиций. Напротив, разные авторы вводят схожие топографические и географические характеристики, а расположение входов в географической зоне ойкумены, подтверждает предположение, что римский Аид простирался прямо под городами и сельской

местностью римского мира, и что границы между двумя царствами были действительно проницаемыми.

Таким образом, Оркус – регион, характеризующийся несколькими дверными проемами, которые диктуют траекторию путешествия умершего или живого героя по хтоническим ландшафтам. В письменных источниках Оркус преимущественно описывается как проход в Аид и отражает римские представления о преддверии царства мертвых и является мостом между миром живых и миром мертвых.

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что представления римских авторов периода ранней империи о топографии загробного мира были основаны на общем ментальном образе эпохи. Этот взгляд был общепринятым, с точными топографическими ссылками, природными особенностями и архитектурными структурами, которые по своим формам и расположению отражали реальные ландшафты, таким образом делая загробную жизнь своего рода продолжением земной жизни. Более того, воображаемый ландшафт Подземного мира и его особенности – ворота, холмы, леса, ручьи были проекциями, зависящими от опыта реальной местности, известной римлянам. Таким образом, изучение хтонической топографии не только способствует лучшему пониманию религиозных и культурных верований в загробную жизнь, но и, в более широком смысле, проливает свет на то, как римляне воспринимали свое реальное окружение и как они описывали и изображали пространство в соответствии с набором глубоко укоренившихся условностей.

Необходимость более детального и тщательного подхода к изучению римских верований в Подземный мир с точки зрения его воображаемых топографических элементов, отраженных в письменной традиции, позволяет не только реконструировать связный хтонический ландшафт через значения точек перехода и образов, которые до сих пор плохо понимались или даже игнорировались исследователями. Это также позволяет показать важность оригинального римского вклада в топографическое устройство Аида, полемизируя с предполагаемым прямым происхождением этого образа из греческой традиции.

¹ Луций Анней Сенека. Трагедии / пер. и статья С. А. Ошерова; примечания Е. Г. Рабинович; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1983. 432 с.

² Овидий. Собрание сочинений: в 2 т. / вступ. ст. В. С. Дурова. СПб: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. Т. 2. Метаморфозы. Фасты. 528 с.

³ Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. / пер. С. П. Кондратьева; под ред. Е. В. Никитюк; отв. ред. Э. Д. Фролов. М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. 1. 496 с. Т. 2. 2002. 512 с.

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
2. Обидина Ю. С. Топография загробного мира у древних римлян // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (К 100-летию со дня рождения В. Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции) : сб. статей Всероссийской науч.-практич. конференции. Чебоксары, 2017. С. 75–78. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xidvvx> (дата обращения: 15.02.2025).
3. Harrison R. P. The dominion of the dead. Chicago : University of Chicago Press 2003. 208 p.
4. Бобровникова Т. А. Представления о множественности душ в поэтико антикварной традиции древнего Рима // Вестник древней истории. 2024. Т. 84. № 3. С. 664–675. URL: <https://journals.eco-vector.com/0321-0391/article/view/682338> (дата обращения: 16.02.2025).
5. Обидина Ю. С. Социоментальная топография загробного мира древних римлян как пример коллективной мнемонической традиции // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 124–133. URL: <https://roii.ru/r/1/63.9> (дата обращения: 16.02.2025).
6. Cumont F. After life in Roman paganism: lectures delivered at Yale University on the Silliman foundation. New York : Dover, 1959. 224 p.
7. Горнова Г. В. Города страны мертвых: картография представлений о загробном мире // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 19–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yupecz> (дата обращения: 15.02.2025).
8. Reinhardt T. Readers in the Underworld: Lucretius De Rerum Natura 3.912-1075 // Journal of Roman Studies. 2004. No. 94. Pp. 27–46. DOI: <https://doi.org/10.2307/4135009>
9. Pike D. Passage through Hell: Modernist Descents, Medieval Underworlds. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press 1997. 320 p.
10. Leach E. W. Virgil's Eclogues: landscapes of experience. Ithaca : Cornell University Press, 1974. 281 p.
11. Turchi P. Maps of the imagination: the writer as cartographer. San Antonio : Trinity University Press, 2004. 245 p.
12. Jenkyns R. Virgil's experience: nature and history. Times, names and places. Oxford : Clarendon Press, 1998. 712 p.
13. Gowers E. Virgil's Sibyl and the 'Many Mouths' Cliché (Aen. 6.625-7) // Classical Quarterly. 2005. No. 55 (1). Pp. 170–182.
14. Bernabé A., Jiménez San Cristóbal A. I. Instructions for the Netherworld: The Orphic Gold Tablets. Boston : BRILL, 2008. 392 p.
15. Лурье С. Я. Древнегреческие паспорта для входа в рай // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 23–28.
16. Clark R. J. Vergil. Aeneid 6, 40 ff. and the Cumaean Sibyl's cave // Latomus. 1977. No. 36. Pp. 482–495.
17. Monti R. C. The Identification of Vergil's Cave of the Cumaean Sibyl in Aeneid 6 // Vergilius. 1994. No. 40. Pp. 19–34.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 05.08.2025.

Об авторе

Обидина Юлия Сергеевна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-политических коммуникаций, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>, basiley@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Ares F. Chelovek pered litsom smerti [Man in the Face of Death]. M., Progress-Akademiya Publ., 1992, 528 p. (In Russ.).
2. Obidina Yu. S. Topografiya zagrobnogo mira u drevnikh rimlyan [Topography of the afterlife among the ancient Romans]. Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii, istorii (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. F. Kakhovskogo i 60-letiyu Chuvashskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) : sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Current issues in archeology, ethnography, history (On the 100th anniversary of the birth of V. F. Kakhovsky and the 60th anniversary of the Chuvash archaeological expedition): collection of articles from the All-Russian scientific and practical conference. Cheboksary, 2017, pp. 75–78. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xidvvx> (accessed 15.02.2025). (In Russ.).
3. Harrison R. P. The dominion of the dead. Chicago, University of Chicago Press, 2003, 208 p. (In Eng.).
4. Bobrovnikova T. A. Predstavleniya o mnozhestvennosti dush v poetiko-antikvarnoi traditsii drevnego Rima [Multiplicity of souls in the poetic antiquarian tradition of Ancient Rome]. Vestnik drevnei istorii = Journal of Ancient History. 2024, vol. 84, no. 3, pp. 664-675. Available at: <https://journals.eco-vector.com/0321-0391/article/view/682338> (accessed 16.02.2025). (In Russ.).

5. Obidina Yu. S. Sotsiomentalnaya topografiya zagrobnogo mira drevnikh rimlyan kak primer kollektivnoi mnemonicheskoi traditsii [Socio-mental topography of the underground world of ancient Romans as an example of collective mnemonic]. *Dialog so vremenem* = Dialogue with Time. 2018, no. 63, pp. 124–133. Available at: <https://roii.ru/r/1/63.9> (accessed 16.02.2025). (In Russ.).
6. Cumont F. After life in Roman paganism: lectures delivered at Yale University on the Silliman foundation. New York, Dover, 1959, 224 p. (In Eng.).
7. Gornova G. V. Goroda strany mertvykh: kartografiya predstavlenii o zagrobnom mire [Cities of the land of the dead: cartography of representations about the underworld]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2018, no. 1 (18), pp. 19–22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yupech> (accessed 15.02.2025). (In Russ.).
8. Reinhardt T. Readers in the Underworld: Lucretius De Rerum Natura 3.912–1075. *Journal of Roman Studies*, 2004, no. 94, pp. 27–46. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.2307/4135009>
9. Pike D. Passage through Hell: Modernist Descents, Medieval Underworlds. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1997, 320 p. (In Eng.).
10. Leach E. W. Virgil's Eclogues: landscapes of experience. Ithaca, Cornell University Press, 1974, 281 p. (In Eng.).
11. Turchi P. Maps of the imagination: the writer as cartographer. San Antonio, Trinity University Press, 2004, 245 p. (In Eng.).
12. Jenkyns R. Virgil's experience: nature and history. Times, names and places. Oxford, Clarendon Press, 1998, 712 p. (In Eng.).
13. Gowers E. Virgil's Sibyl and the 'Many Mouths' Cliché (Aen. 6.625–7) // *Classical Quarterly*. 2005, no. 55 (1), pp. 170–182. (In Eng.).
14. Bernabé A., Jiménez San Cristóbal A. I. Instructions for the Netherworld: The Orphic Gold Tablets. Boston, BRILL Publ., 2008, 392 p. (In Eng.).
15. Lure S. Ya. Drevnegrecheskie pasporta dlya vkhoda v rai [Ancient Greek passports for entering paradise]. *Voprosy antichnoi literatury i klassicheskoi filologii* = Questions of ancient literature and classical philology. M., Science Publ., 1966, pp. 23–28. (In Russ.).
16. Clark R. J. Vergil. Aeneid 6, 40 ff. and the Cumaean Sibyl's cave. *Latomus*. 1977, no. 36, pp. 482–495. (In Eng.).
17. Monti R. C. The Identification of Vergil's Cave of the Cumaean Sibyl in Aeneid 6. *Vergilius*. 1994, no. 40, pp. 19–34. (In Eng.).

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 05.08.2025.

About the author

Yulia S. Obidina

Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Socio-Political Communications, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>, basiley@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.